

ше предохраняются отъ заѣтриванія и высыханія, вмѣстѣ съ тѣмъ растительный процессъ, возмущенный на время перепашкою, возстаетъ въ скорѣе и во всей полнотѣ. Сверхъ того закатанный овесъ всегда удобнѣе косить, нежели незакатанный. Для ломанія овса самая благоприятная погода пасмурная, тихая; тогда весеннее солнце и преимущественно весенніе вѣтры не будутъ имѣть вреднаго вліянія на обнаженные корни перепашаннаго овса.

III.

С М Ъ С Ъ.

Ягъ - мортъ (*).

(Чудское преданіе.)

Малоизвѣстенъ, почти невѣдомъ отдаленный край Запечорья. Это самый сѣверный уголъ Европы, который граничитъ, можно сказать, съ полюсомъ! Но нельзя сказать того, чтобы край этотъ былъ вовсе обиженъ природою: тамъ есть и горы высокія и дуга широкіе и лѣса дремучіе, тамъ есть озера и рѣки,— и даже рѣчки съ журчащими ручейками— и все, что вамъ угодно, кромѣ теплаго южнаго солнца,—

да объ немъ и не тужать вскормленные на снѣгахъ суровые обитатели сѣвера. Тамъ, извинаясь между лѣсистыми берегами, прядаетъ по камнямъ быстрая и прозрачная рѣчка Куча, и протекая значительное пространство по мѣстамъ пустыннымъ, вливается въ р. Ижму, въ полуверстѣ отъ Ижемскаго селенія. Одинъ берегъ этой рѣчки, возвышенный и бугристый, весь обросъ лѣсомъ. Тамъ кудрявыя сосны и мрачныя ели склонились вершинами къ водамъ,— и давно уже смотрятся въ свѣтломъ токъ Кучи; въ иныхъ мѣстахъ, по наволокамъ, видны зеленые кусты ольхи, ивы и черемухи. Другой берегъ отъ стороны селенія низменный, чистый и ровный: на немъ привольно раскинулись широкія пивы, исчерченныя огородами и частокколами, между которыми вьются проселочныя тропинки.

Подлѣ одной изъ этихъ тропинокъ возвышается небольшой холмикъ или курганъ, покрытый разнымъ древеснымъ хламомъ. Всякій, проходящій мимо этого холмика, испремѣнно долженъ бросить на него камень, сукъ, палку, или чтобы-то ни-было, и— въ добавокъ— плюнуть. Это обыкновеніе ведется съ незапамятныхъ временъ, и туземнымъ жителямъ обратилось въ привычку. Кто почему либо не исполнитъ такого обряда, того старики какъ разъ объявятъ вольнодумцемъ, человѣкомъ легкомысленнымъ, не уважающимъ отеческихъ обычаевъ. «Не видать ему добра,— говорятъ они о такомъ человѣкѣ,—онъ даже не плюетъ на могилу Ягъ - морта.»

Объ этомъ холмикѣ много странныхъ басенъ ходитъ въ народѣ, и всѣ онѣ основаны на чер-

(*) Лѣсной человѣкъ.

овщинѣ.— Старики увѣряютъ, что въ прежнее время очень часто, особенно въ темныя осеннія ночи, запоздалые путники встрѣчали тамъ такихъ-то ужасныхъ страшилищъ, бродящихъ около кургана, а курганъ обнимался синеватымъ пламенемъ; нерѣдко слышались тамъ нечеловѣческіе вопли и завыванія.— Женщины и дѣти и теперь отъ души вѣрятъ подобнымъ сказаніямъ своихъ почтенныхъ дѣдушекъ, и боятся приблизиться къ заколдованному кургану: они далеко обходятъ это страшное мѣсто. Но къ чести мужчинъ— туземцевъ можно заявить, что очень немногіе изъ нихъ поддаются ребяческому суевѣрному страху отъ подобныхъ разсказовъ, считая ихъ не болѣе, какъ произведеніями дикой фантазіи предковъ. Это явный признакъ, что благотворныя лучи всеобщей цивилизаціи начинаютъ проникать даже въ самую глушь дальняго сѣвера, къ бѣлымъ, полудикимъ потомкамъ древней Чуди.

Въ настоящее время, во всѣхъ классахъ народа, стало замѣтно какое-то равнодушіе къ этическимъ разсказамъ о быломъ, и потому вѣрныя, преданія, были и легенды остаются въ забвеніи и неизвѣстности, между тѣмъ какъ многія изъ нихъ могли бы быть въ этнографическомъ отношеніи весьма интересны.— Сказанія эти, облеченныя воображеніемъ народа въ поэтическія формы, при всей своей исторической недостоверности въ подробностяхъ и преувеличенности, все же имѣютъ въ основѣ своей какое нибудь истинное событіе, и слѣдовательно могутъ болѣе или менѣе служить къ выясненію древняго, какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго быта того или другаго народа.

Вотъ образчикъ сѣверной легенды— преданіе о Ягъ-мортѣ (*), которое удалось мнѣ однажды слышать въ Ижемскомъ селеніи Мезенскаго уѣзда, и которое считаю не излишнимъ разсказать въ такомъ видѣ, какъ самъ слышалъ, не входя въ критическій разборъ, который одинъ только можетъ опредѣлить степень значенія подобныхъ сказаній въ ряду изысканій историческихъ.

(Оконч. въ слѣд. ном.)

IV.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ четвертой книжкѣ журнала Сыны Отечества на 1848 годъ помѣщены слѣдующія статьи:

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ. Заслуги и подвиги Его Свѣтлости Князя Александра Даниловича Меншикова, съ основаннымъ на подлинныхъ документахъ описаніемъ всего достопримѣчательнаго, что по Всемиловѣйшему повелѣнію Е. И. В. Петра Великаго и Всепресвѣтлѣйшей Императрицы Екатерины, было совершено, подъ управленіемъ и начальствомъ Его Свѣтлости при дворѣ и въ арміи, равно какъ и во

(*) Разсказъ этотъ слышалъ я на Зырянскомъ языкѣ, и потому нѣтъ возможности передать его по русски слово въ слово, со всеми идиотизмами туземнаго языка.

сока и отъ того ранѣе начинаетъ приносить плодъ. Гдѣ груша встрѣтитъ слишкомъ близко хрящеватую или каменистую подпочву, препятствующую распространенію ея корней, тамъ она скоро пропадаетъ, получая огневицу. Холодная глина или чистый песокъ также вредны для груши; лучшею почвою почитается для нее суглинистая, смѣшанная съ известью. Но лучшіе сорта бергамотовъ и масляныя груши требуютъ непремѣнно солнечнаго теплаго мѣста и хорошо обработанной садовой почвы, безъ чего они будутъ приносить весьма дурной плодъ, называемый косянкою.

Сливы всѣхъ родовъ любятъ плодотворную, теплую и жирную почву; онѣ не годятся для высотъ, и лучшее мѣсто для нихъ находящееся въ защитѣ, у скатовъ горъ, въ долинахъ и на равнинахъ, на открытомъ солнцѣ; послѣднее условіе особенно необходимо для всѣхъ иностранныхъ сортовъ.

Вишни всѣхъ родовъ любятъ высокія и солнечныя мѣста, довольствуются почвою сухой, каменистою, даже частию песчанною.

ВЕРНЫЙ СПОСОБЪ ХОРОШО НАГРѢВАТЬ ПЕЧИ, СЪ УМЕНЬШЕНІЕМЪ ДРОВЪ.

Способъ этотъ переданъ мнѣ однимъ моимъ добрымъ родственникомъ, и вотъ уже седьмой годъ каждую зиму испытывается мною съ полнымъ успѣхомъ. Дѣло очень простое: лишъ только дрова хорошо разгорятся и будутъ всѣ охвачены пламе-

немъ, надобно дымовую изъ комнаты трубу прикрыть до половины блинчикомъ, т. е. тѣмъ чугуннымъ кружкомъ, которымъ обыкновенно закрываютъ трубу прежде вьюшки. Вы не повѣрите, какъ отъ этого усиливается нагрѣваніе печки! Увидите сами, что, при хорошемъ устройствѣ печей, придется накладывать блинчикъ только въ то время, когда дрова прогорятъ и обуглятся, но и тутъ сбереженіе дровъ произойдетъ чрезвычайно значительное. Съ тѣхъ поръ, какъ у меня въ домѣ заведенъ этотъ порядокъ, я покупаю дровъ одного третью менѣе прежняго.

III.

С М Ъ С Ъ.

Ягъ - мортъ.

(Окончаніе.)

Въ эпоху отдаленной древности, когда еще на берегахъ рѣкъ Печоры и Ижмы разсѣянно жили полудикія Чудскія племена, и не зная хлѣбопашества, питались отъ промысла звѣрей и рыбъ, когда они еще не знали Истиннаго Бога, и поклонялись богамъ каменнымъ и деревяннымъ, — въ дремучемъ лѣсу, окружающемъ одно изъ Чудскихъ селеній, появился человѣкъ необыкновенный. Ростомъ онъ былъ едва - ли не съ добрую сосну, — по голосу, по виду — дикій звѣрь. Лице, обросшее черною, какъ смола,

бороною; глаза, налитые кровью и дико сверкающие изъ-под густыхъ бровей; косматая одежда изъ невыдѣланной медвѣжьей шкуры: вогъ примѣты этого челоуѣка, котораго туземцы называли Ягъ-мортомъ, т. е. Лѣснымъ - чѣловѣкомъ, и названіе это вполне соответствовало образу его жизни. Никто не зналъ ни роду, ни племени Ягъ-морта, никто не вѣдалъ, откуда появился онъ между Чудскими жилищами. Ягъ-мортъ ни съ кѣмъ изъ туземцевъ не имѣлъ сообщенія: онъ жилъ въ глубинѣ дремучаго лѣса, въ недоступныхъ трущобахъ, разсѣянныхъ по пустынному побережью р. Кучи, и появлялся между людскими жилищами только для грабежа и убійствъ. Робкіе Чудинцы избѣгали всякой съ нимъ встрѣчи. Одно имя Ягъ-морта наводило страхъ на окрестныхъ жителей; жепщины страдали имъ шаловливыхъ дѣтей своихъ.

- » Ягъ-мортъ ыджыдъ, кудзъ буръ козь,
- » Ягъ-мортъ сіодъ, кудзъ, нацъ шомъ;
- » Инъ бордъ, ціо, Ягъ-мортъ воасъ,
- » Кудянъ бордны — тенъ селяъ (*):

такъ обыкновенно пѣла молодая Чудинка, стараясь унять плачущее дитя свое.

Для нападѣній своихъ на селенія Ягъ-мортъ обыкновенно избиралъ потное время, и тогда во мракѣ, освѣщаемомъ нерѣдко заревоу пожара, каждый шагъ его обозначался кровью и опустошеніемъ. Онъ уводилъ, рѣзалъ скотъ, по-

хищаль женъ и дѣтей. Ненависть Ягъ-морта ко всему живущему простиралась до того, что онъ часто, безъ всякой причины, убивалъ встрѣчнаго и поперечнаго. — Выведенные изъ терпѣнія злодѣйствами разбойника Чудинцы всѣми мѣрами старались погубить его: они ловили его, какъ дикаго звѣря, строили засады, но ничто не помогало. Хитрости противопоставлялъ онъ хитрость; открытая схватка съ могучимъ разбойникомъ была не-по-плечу робкимъ туземцамъ. И во всемъ Запечорѣ не выскивалось молодца, кто бы осмѣлился помѣряться силами съ Ягъ-мортомъ; размахъ вражескаго топора былъ ему ни-почемъ; удары коней ограждали онъ своею пащецею, а стрѣлы отскакивали отъ косматой груди его. Въ дозвоекъ, Ягъ-мортъ слылъ въ народѣ великимъ воинемъ, чар-дѣемъ въ водѣ не тонулъ и въ огнѣ не горѣлъ, какъ обыкновенно говорили объ немъ туземцы. — Скотскій падежъ, бездождіе, безвѣтріе, и вообще всѣ физическія бѣдствія, и даже нѣкоторыя необыкновенныя явленія природы суетѣрная Чудь приписывала мрачнымъ волхвованіямъ Ягъ-морта. Онъ повелѣвалъ стихіями, помрачалъ звѣзды, помрачалъ солнце и луну, и по понятіямъ народа, не было предѣла темному могуществу чародѣя-разбойника, и потому онъ царствовалъ безнаказаннымъ опустошителемъ въ мрачныхъ лѣсахъ Запечорья.

Разъ у старшины одного изъ Чудскихъ селеній пропала безвѣсти единственная дочь — красавица, какой не видавали еще между Чудью. Проходитъ день, два, проходитъ недѣля, — прекрасной Райды (*) нѣтъ какъ нѣтъ! Мать ея

(*) Въ Русскомъ подстрочномъ переводѣ такъ: «Ягъ-мортъ высокъ, какъ добрая дѣль, Ягъ-мортъ черенъ, какъ печной уголь. Не плачь — замолкни; Ягъ-мортъ придетъ; — станешь плакать, — съѣсть».

(*) Такъ звали дочь старшины. Это имя общее всѣмъ — почти героинямъ Чудскихъ легендъ.

плакала глаза отъ слезъ, отецъ, женихъ вы-
одили всѣ ближнія селенія, всѣ лѣса окрестные:
о не нашли нигдѣ Райды. — Вотъ кликнули
ничъ, созвали народъ на совѣщаніе, объявили
орестную утрату, и — всѣ безъ изыятія, ста-
ую и малые единогласно утвердили, «что ве-
сеннему цвѣту — Райдѣ нельзя такъ рано
увянуть, что если она утералась, то это не-
иремѣнно должно быть дѣломъ рукъ злаго Ягъ-
морта: онъ позавидовалъ цвѣтушей красѣ Райды,
онъ похитилъ ее и увлекъ въ свою звѣриную
берлогу... Но горе намъ, примолвили ста-
рики, нѣтъ суда на Ягъ-морта: мы ничего не
можемъ противъ могучаго чародѣя! Райда по-
гибла!» Въ добавокъ, какъ водится, потолко-
ли, пошумѣли и съ печальнымъ видомъ, за-
нувъ бороды въ воротники своихъ бараньихъ
рубъ, возвратились по-домамъ, не слѣлавъ ни-
его путнаго. Но не удовольствовались такимъ
вшеніемъ удалой женихъ Райды, не удоволь-
вовались имъ и прочіе молодые парни, со-
атели руки красавицы. Они снова кликнули
ничъ, взволновали все Запечорье, собрали нѣ-
олько десятковъ удалцовъ «завязтыхъ» и въ
щемъ совѣтѣ положили: «Во что-бы-ни-стало,
ыскать жилище Ягъ-морта, схватить его жи-
го или мертваго, погубить, сжечь окаиннаго
родѣя, хотя бы самимъ погнѣбнуть!» И вотъ
ставилось ополченіе: ратники вооружились
рѣлами, копьями, *копоригами* (*), вилами—кто
ымъ могъ, и двинулись въ походъ — это про-
въ одного! Но этотъ одинъ былъ не простой
ловѣкъ, а силачъ необыкновенный, страшный
збойникъ, и въ добавокъ — колдунъ, черно-

книжникъ, и толпа отважныхъ охотниковъ не
безъ тайнаго страха ожидала встрѣчи съ Ягъ-
мортомъ; онъ не являлся; нѣсколько сутокъ
прошло въ тишѣ поискахъ. — Но Чудинцы
не отступались отъ принятаго намѣренія и не
возвращались домой. Наконецъ они вздумали
«подняться на хитрости», зашли въ густомъ
лѣсу, на угорѣ р. Ижмы, близъ тропинки, по
которой обыкновенно проходилъ разбойникъ.
Неизвѣстно, долго-ли хитрецы наши таились
въ засадѣ; — но вотъ однажды видятъ, Ягъ-
мортъ переходитъ вбродъ р. Ижму, и прямо
противъ того мѣста, гдѣ они притаились, и
казалось, прямо идетъ на нихъ: тутъ вѣроятно
не одно Чудское сердце замерло отъ страха,
но трусить было уже поздно. Чудинцы поне-
волѣ должны были сдѣлаться храбрыми, и —
лишь только непріятель ступилъ на сухой бе-
регъ, — копья, стрѣлы, каменья градомъ посы-
пались на него изъ чащи лѣса. Изумленный столь
внезапнымъ нападеніемъ, ошеломленный пер-
выми ударами, разбойникъ на минуту остано-
вился, но не отступилъ ни шагу.... Онъ сталъ —
и, казалось, грознымъ взглядомъ измѣрялъ про-
странство, отдѣлявшее его отъ враговъ.... а
безчисленные удары сыпались ему на грудь....
Потомъ взревѣлъ, какъ дикій звѣрь, взмахнулъ
тяжелой палицею, и понесся въ средину напа-
ющихъ. Чудинцы въ минуту окружили его со
всѣхъ сторонъ и началась страшная битва....
Ягъ-мортъ долго, съ яростнымъ ожесточеніемъ,
отбивался отъ многочисленной толпы озлоблен-
ныхъ противниковъ; палица его разражалась
смертію надъ головами Чудинцевъ, огромный
топоръ его упирался ихъ крозю. Онъ многихъ
положилъ на мѣстѣ, и наконецъ самъ изнемогъ:
усталость, раны обезсилили его, онъ палъ на

(*) Такъ называлось орудіе — родъ копача.

землю, обогренную кровью своих побѣдителей; и торжествующіе Чудинцы схватили Ягъ-морта, отсѣкли ему руки, но оставили живаго, — грозили отрубить голову, если онъ не откроетъ имъ своего жилища, — и обезкураженный силачъ — волшебникъ долженъ былъ покориться волѣ своихъ побѣдителей; онъ повелъ ихъ далѣе — въ самую чашу лѣса, гдѣ въ высокомъ берегу р. Кучи(*) выкопана была огромная пещера, служившая убѣжищемъ Ягъ-морта. — Близъ устья этой пещеры, на большой грудѣ разнаго хлама и костей, лежалъ полуистлѣвшій трупъ человѣческой... Это были обезображенные остатки прекрасной некогда Райды, такъ рано погибшей жертвою лютаго разбойника!... Въ глубинѣ пещеры Чудинцы нашли множество разнаго добычи, сложили все въ кучу и сожгли, а страшный притонъ Ягъ-морта засыпали землей, забросали камнями, заклали бревнами; потомъ привели обратно своего плѣнника на то мѣсто, гдѣ онъ попался имъ въ первый разъ, — отрубили ему голову, въ спину забили осиновый коль(**), и трупъ разбойника закопали(***) въ землю, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится холмикъ, слывущій въ народѣ могилою Ягъ-морта.

(*) Къ сожалѣнію мѣсто это теперь остается неизвѣстнымъ.

(**) Осиновый коль играетъ важную роль во всѣхъ древнихъ преданіяхъ сѣв. народовъ о чародѣяхъ и волшебникахъ. Онъ вколачивается въ спину *еретика*, т. е. умершаго чародѣя для того, чтобъ онъ не ожилъ.

(***) По другимъ сказаніямъ, Ягъ-морта сожгли живаго, и пепелъ его зарыли въ землю.

IV.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. № 2 1848 г. Мартъ и Апрель.

I. ДѢЙСТВІЯ ОБЩЕСТВА. Извлечение изъ Журналовъ Общихъ собраній: Засѣданіе 20 Декабря 1847 года. Засѣданіе 14 Февраля 1848 года. Извлечение изъ Журналовъ Совѣта, съ 1 Января по 1 Марта 1848 года. **II. Сельское Хозяйство и вспомогательныя науки.** Извлечение изъ отвѣтныхъ сочиненій, на задачу о рыбномъ ядѣ. Руководство къ познанію коренныхъ началъ русскаго сельскаго хозяйства, г. м. Н. Н. Леонтьева. Отвѣтъ на задачу объ изысканіи удобнаго и дешеваго способа сушки и храненія хлѣба въ зернѣ и мукѣ, д-ра Гюбенталя (съ *чертежами*). Отвѣтъ на ту же задачу, г. Н. Г. Райскаго (съ *чертежами*). **III. Сельсь.** Замѣчанія о лежащихъ ульяхъ и ихъ свойствахъ, Чл. Общ. А. Покорскаго-Жоравко. Исслѣдованіе лаписъ-лазули, найденнаго на берегахъ р. Слюдянки, въ Сибири. Озеро Елтонъ. О хлѣбныхъ ямахъ, Члена-Корр. А. Я. Софронова. Откуда вывезена лучшая пшеница въ Китаѣ? Навѣщеніе для собранія произведеній царства растительнаго, члена И. О. Шиховскаго. Безопасно-ли укрываться отъ грозы подъ березою? Ростовская сноповозка, Корр. Н. В. Колычева. Физиологическія замѣтки о свиньяхъ. Предложеніе услугъ управляющаго имѣніемъ и винокура, Ф. Бренделя. Отзывъ о плугахъ-самолетахъ г. Протопопова. Объявленіе о приѣмѣ во-